

Т. М. Николаева, Б. А. Успенский

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПАРАЛИНГВИСТИКА

Паралингвистика представляет собой новое (возникшее немногим более десяти лет назад) направление исследования, в котором сближаются интересы представителей самых разных наук — лингвистов, психологов, этнографов, врачей, специалистов по семиотике, культурной антропологии и т. п. Об актуальности данного направления и о ширине его проблематики можно судить, в частности, по недавно опубликованным материалам специального симпозиума, посвященного вопросам паралингвистики и кинесики¹ и по целому ряду близких по тематике работ, появившихся в последнее время².

Поскольку в нашей стране в данной области сделано немного, а общее направление семиотических работ³ в целом почти не пересекается с зарубежными исследованиями, представилось целесообразным представить в общих чертах проблематику последних.

* * *

Во всяком языковом высказывании обычно в первую очередь выделялись сегментируемые единицы — фонемы, морфемы, слова — которые соотносились с уже известной языковой моделью. Иначе говоря, лингвист исследует обычно не реальный язык, а модель, описываемую в некоторых заданных единицах; то же, что не поддается анализу в данных единицах, — вообще не рассматривается. Между тем, если попытаться проанализировать какой-нибудь реальный текст (исследуемого языка) — т. е. то, что воспринимается „на самом деле“, то окажется, что очень многое остается вне лингвистического анализа в его традиционных рамках⁴. В частности, можно указать на различные интонационные модуля-

¹ См.: „Approaches to semiotics (Cultural anthropology. Education. Linguistics. Psychiatry. Psychology)“. Transactions of the Indiana University conference on paralinguistics and kinesics. Ed. by T. A. Sebeok, A. S. Hayes, M. C. Bateson. The Hague, 1964 („Janua Linguarum“, series major, XV). — Далее сокращенно AS. Ср. нашу рецензию на эту книгу (ВЯ, 1965, № 6).

² К сожалению, не все эти работы оказались для нас доступными. Однако, судя по заглавиям и ссылкам на них, многие представляют значительный интерес. Мы считали целесообразным поэтому в дальнейшем сослаться как на изученную нами литературу, так и на литературу, известную из библиографических источников.

³ См.: „Симпозиум по структурному изучению знаковых систем“. М., 1962; „Летняя школа по вторичным моделирующим системам“. Программа и тезисы докладов. Тарту, 1964; „Труды по знаковым системам“, II. Тарту, 1965; То же, III (в печати).

⁴ Попытку приблизиться к описанию реальной информации, исходящей от собеседника, см.: R. E. Pittenger, C. F. Hockett, J. J. Danehy. The first five minutes: a sample of microscopic interview analysis. Ithaca, 1960; G. Bateson, R. L. Birdwhistell, H. W. Brosin, C. F. Hockett, N. A. McQuown. The natural history of interview. N. Y. (in print).

дии голоса, дополнительные призвуки (вовсе не обязательно относящиеся к передаваемой информации — например, кашель, всхлипывания и т. д.), темп речи, окраску голоса и т. п. Далее, к „реальному тексту“, т. е. к реально воспринимаемой информации, можно, видимо, с основанием отнести и сопровождающую речь жестикуляцию, манеры собеседника и самые разнообразные данные о нем — вплоть до субъективных физиогномических впечатлений⁵.

В самом деле, каждое слышимое или видимое высказывание несет в себе обилие самой разнообразной информации, при собственно лингвистическом подходе не фиксирующейся. Предположим, мы слышим, как в соседней комнате кто-то говорит по телефону. Мы слышим слова говорящего; мы воспринимаем и понимаем их. Но мы понимаем не только это. Так, не видя говорящего, мы можем сказать о нем многое — описать его пол, примерный возраст, состояние здоровья, этническое и социальное происхождение и даже, может быть, определить, с кем он говорит (с другом или начальником, с женой или ребенком)⁶. Точно так же многое можно сказать о человеке, если изучить написанное им письмо, даже не вчитываясь в его содержание⁷.

В то же время отсутствие этих „окололингвистических“ данных лишает нас очень существенной информации — настолько существенной, что в определенных случаях текст без них вообще может быть не понят. Так, М. Мид приводит пример, когда беседа участников какого-то совместно проведенного вечера была записана на магнитофонную пленку. Потом запись в виде сплошного текста была переведена на бумагу и испытуемым было предложено разбить эту запись на отдельные реплики, найти авторов этих реплик, определив число участников беседы. Как это ни удивительно, практически задача осталась нерешенной⁸.

Более того, мы можем получать информацию о человеке (и действительно получаем ее — другой вопрос, адекватно или нет), даже если он не является чьим-нибудь собеседником или корреспондентом — просто наблюдая его поведение. Герой рассказа Честертона „Странные шаги“ патер Броун смог определить род занятий человека вовсе его не видя, а вслушиваясь в ритм его походки; можно видеть, что это — вполне семиотическая постановка вопроса. Представителя Западной Европы можно отличить по жестикуляции пальцами, сопровождающей счет: русские загибают пальцы при счете, на Западе же, напротив, отгибают согнутые пальцы. Подобные детали поведения могут

⁵ Наоборот, речь, лишенная этих или подобных, казалось бы факультативных, явлений, не производит впечатления нормальной. Это часто обыгрывается в литературе: например, речь не полностью еще воспитанной Элизы Дулитл в „Пигмалионе“ Шоу излишне правильна и потому производит впечатление неправильной (неадекватной); аналогично строится иногда речь персонажей в пьесах Ионеско.

⁶ Ср. в частности: G. W. Allport and H. Cantril. Judging personality from voice. „Journal of social psychology“, 1934, 5; H. C. Taylor. Social agreements on personality traits as judged from speech. — Там же; S. Asch. Forming impressions of personality. „Journal of abnormal and social psychology“, 1946, 41; W. E. Lambert, R. C. Hodgson, R. C. Gardner, S. Fillenbaum. Evaluational reactions to spoken languages. — Там же, 1960, 60; J. Wishner. Reanalysis of „Impressions of personality“. „Psychological Review“, 1960, 67; E. Kramer. The judgment of personal characteristics and emotions from nonverbal properties of speech. „Psychological Bulletin“, 1963, 60.

⁷ О том комплексе сведений, которые представляет написанный (рукописный) текст, см.: В. В. Томлин. Физиология, патология и судебно-медицинская экспертиза письма. (К судебно-медицинскому отождествлению личности по рукописному тексту). М., 1963. Ср. рец. Т. М. Николаевой на эту книгу в настоящем сборнике. См. также: J. Dollard, O. H. Mowrer. A method of measuring tension in written documents. „Journal of abnormal and social psychology“, 1947, 42.

⁸ См. AS.

быть не менее информативны, чем непосредственное сообщение на языке.

Итак, мы сталкиваемся здесь с самыми разнообразными явлениями, часто очень неоднородными; однако все они относятся к семиотике, причем к специальному ее разделу: к семиотике поведения человека.

В самом общем смысле всякое поведение можно рассматривать как коммуникативное постольку, поскольку его можно представить как сообщение (текст), имеющее адресанта и адресата. В более узком смысле, если понимать под коммуникацией сознательную передачу информации адресантом⁹, отнюдь не всякое поведение, разумеется, коммуникативно. В этом узком смысле слова коммуникативным является, по-видимому, лишь „языковое“ поведение (linguistic behaviour)¹⁰. Будем считать достаточно понятным, что такое язык, причем не будем ограничивать его какой-либо субстанцией материала¹¹ (звукковой, письменной, жестовой или др.). Тогда можно выделить явления (факультативные) человеческого поведения, которые несут определенную информацию, сопровождая явления языка¹². Они и составляют предмет паралингвистики.

Термин „паралингвистика“ был впервые предложен А. Хиллом (хотя сами паралингвистические явления давно уже отмечались и отчасти классифицировались фонетистами)¹³.

В дальнейшем паралингвистике были посвящены специальные работы Дж. Трейгера¹⁴ и ряда других ученых¹⁵.

Существуют различные понимания этого термина. Под паралингвистическими всегда имеют в виду явления, сопутствующие „языку“ (греч. *пара* 'около'), однако сам язык может при этом пониматься по-разному, с разной степенью широты.

Дж. Трейгер, в частности, рассматривает лишь язык устного общения (vocal-auditory communication), называя „паралингвистическими“ только звуковые явления,

⁹ См.: Э. М. Волоцкая, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, Т. В. Цивьян. Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения. „Симпозиум по структурному изучению знаковых систем“. М., 1962, стр. 65.

¹⁰ Мы не рассматриваем здесь случаи актерской игры, сознательной симуляции и т. д., т. е. случаи сознательной ссылки на знак (выражение), а не на значение.

¹¹ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. „Новое в лингвистике“, вып. 1. М., 1960.

¹² Сами эти явления могут и не являться сознательно направленными — см. об этом ниже.

¹³ Об истории изучения паралингвистических явлений см.: D. Crystal and R. Quirk. Systems of prosodic and paralinguistic features in English. London—The Hague—Paris, 1964, ch. 2.

¹⁴ G. L. Trager. Paralanguage: a first approximation „Studies in linguistics“, 1958, v. 13 (reproduced in: „Language, culture and personality. A reader in linguistics and anthropology“, ed. by D. Hymes. New York, Evanston, London, 1964); G. L. Trager. Taos III: paralanguage. „Anthropological linguistics“, 1960, v. 2, № 2; G. L. Trager. The typology of paralanguage. — Там же, 1961, v. 3, № 1.

¹⁵ См. например, работы: R. L. Birdwhistell. Introduction to kinesics. An annotation system for analysis of body motion and gestures. Washington, 1952; Он же. Body motion research and interviewing. „Human organisation“, 1952, II; Он же. Kinesics and communication. „Explorations“, 1954, 3; Он же. Paralanguage — 25 years after Sapir. „Lectures on experimental psychiatry“, ed. by H. W. Brosin. Pittsburgh, 1961; E. Kramer. The judgment of personal characteristics and emotions from nonverbal properties of speech. „Psychological Bulletin“, 1963, 60; J. Ruesch and W. Kees. Nonverbal communication. Notes on the visual perception of human relations. Berkeley, 1956; T. Burns. Nonverbal communication. „Discovery“, 1964, v. 25, № 10; W. La Barre. The cultural basis of emotions and gestures. „Journal of personality“, 1947, 16; S. Feldman. Mannerisms of speech and gesture. N. Y., 1960; D. Crystal. A perspective for paralanguage. „Le maître phonétique“, 1963, 78; D. Crystal, R. Quirk. Systems of prosodic and paralinguistic features in English. London—The Hague—Paris, 1964.

сопровождающие звуковые высказывания¹⁶. Тогда, аналогично паралингвистическим явлениям, выделяются паракинетические, причем под последними можно понимать кинетические явления, сопровождающие звуковое высказывание, либо всякие явления (независимо от их субстанции), сопровождающие кинетическую деятельность. Соответственно можно говорить о паракинетике¹⁷.

Другие авторы понимают под паралингвистическими всякие явления (не обязательно звуковые), сопровождающие язык устного общения, включая, таким образом, паракинесику в ее первом понимании в паралингвистику.

При более широком подходе, когда язык понимается вне определенной субстанции, паралингвистическими оказываются вообще всякие явления (независимо от их субстанции), сопровождающие языковую деятельность (которая может быть звуковой, кинетической, графической и т. д.). При таком подходе — именно он и излагался выше — паракинесика (в любом ее понимании) входит в паралингвистику.

Таким образом, к паралингвистике — в сформулированном понимании — могут относиться и жесты, и другие незвуковые феномены, если они сами по себе не составляют самостоятельного языка. Мы отличаем тем самым самостоятельный язык жестов глухонемых¹⁸ или монахов-трапистов¹⁹ от жестов, сопровождающих речь. Если в первом случае система жестов функционально равноправна естественному языку²⁰,

¹⁶ Трейгер выделяет два ряда паралингвистических явлений: 1) вокализации (vocalisations) — некоторые специфические звуковые явления, не обладающие языковой структурой; 2) голосовые качества (voice qualities) — модификации звуковых шумов, как языковых, так и неязыковых.

Голосовые качества характеризуют всякое высказывание в языке; вокализации — факультативны.

Вокализации разделяются Трейгером на три вида: 1) характеризаторы (vocal characterizers); 2) квалификаторы (vocal qualifiers); 3) разделители (vocal segregates).

Характеризаторы — это смех, плач, шопот, завывания и т. п. (см. спектрограммы различных характеризаторов английского языка в работе: D. Crystal, R. Quirk. Указ. соч.); квалификаторы — тип интенсивности произнесения, высота тона как маркированное явление; разделители — неязыковые комбинации звуков вроде *уф-уф*, *кхм* и т. п.

К голосовым качествам Трейгер относит явления, характеризующие специфику данного языкового события. Это темп речи, диапазон высоты тона, диапазон изменения ритма и т. п.

Для каждого ряда паралингвистических явлений Трейгер предлагает градуированную систему решений, для каждого из которых он дает соответствующее обозначение для удобства описания (см.: G. L. Trager. *Paralanguage: a first approximation*, p. 4 sq.).

¹⁷ Аналогично можно выделить и параграфематику. Под ней может пониматься, с одной стороны, графическая деятельность, сопровождающая звуковое высказывание (например, когда говорящий пишет или чертит бессмысленные знаки, или вообще знаки, не имеющие непосредственного отношения к высказыванию, заштриховывает определенные буквы и т. п. — или же когда лектор сопровождает свой доклад пояснениями на доске в виде неопределенных геометрических фигур), либо, с другой стороны, явления, сопровождающие письменную деятельность (например, дрожание почерка, больший или меньший нажим и т. д.).

Нам осталась недоступной работа: E. V. Hamp. *Graphemics and paragraphemics*. „*Studies in linguistics*“, 1959, 14.

¹⁸ См., например: W. C. Stokoe Jr. *Sign language structure. An outline of the visual communication systems of the American deaf*. Buffalo, 1960 (*Studies in linguistics, Occasional papers*, 8); B. Tervoort. *Structurele Analyse van Visueel Taalgebruik binnen een Groep Dove Kinderen*. Amsterdam, 1953; M. Critchley. *The language of gesture*. London, 1939.

¹⁹ См.: G. van Rijnberk. *Le langage par signes chez les moines*. Amsterdam, 1953; E. Buysens. *Le langage par gestes chez les moines*. „*Revue de l'Institut de sociologie*“, 1956.

²⁰ Отношение естественного языка и языка жестов такого типа можно уподобить соотношению устного и письменного языка. И язык жестов, и письменный язык, даже и в том случае, когда они обладают высокой степенью соответствия естественному (устному) языку, не полностью ему изоморфны. С одной стороны, существуют явления устного языка, которые невозможно адекватно передать на письме или изобразить в жестах (например, определенные интонации, звукоподражания), с другой же стороны, определенные системные явления письменного или жестового языка могут не соответствовать ничему в устной речи (например, заглавные буквы как детерминатив собственных имен в письменном языке никак не передаются в устном эквиваленте).

то во втором случае жесты как правило факультативны и их функция аналогична функции соответствующих факультативных элементов устной речи (вздохам, хмыканию, отчасти междометиям и т. п.)²¹

Паралингвистические явления суперсегментны и могут быть уподоблены соответственно различным суперсегментным явлениям в самом языке; они передают надязыковую коммуникацию, выражая часто ипостась, в которой должен читаться тот или иной текст.

Аналогично тому, как барабанные языки у африканских негров могут передавать определенную информацию, выражая лишь просодический контур текста, пантомима может строиться на передаче одних паракинетических явлений, одного паракинетического контура текста — и быть при этом достаточно информативной²².

Между лингвистическими и паралингвистическими элементами (в частности, жестами) могут быть отношения функциональной синонимии и перевода. Так, некоторые слова (так называемые слова-сорняки типа *это самое, значит* в русском языке) функционально эквивалентны чисто паралингвистическим явлениям (например, „мычанию“ при подборе мысли). Многие междометия функционально адекватны жестам, функцию жеста выполняют также и некоторые другие элементы звукового языка²³. Соответственно и жесты могут быть вставлены в устную речь, играя роль идеограмм; в этом случае жесты не будут паралингвистическими явлениями (поскольку являются элементами речи, а не сопровождением ее)²⁴. Точно так же в звуковой текст могут быть (сознательно) вставлены в качестве самостоятельного элемента определенные паралингвистические последовательности, например: «А она: „Аааа!“», или (в разговоре детей): «Тут вдруг „бах!“ и мы сразу — *тра-т-т-та-та*»²⁵.

Наконец, междометия вообще часто неотделимы от собственно паралингвистических последовательностей. Показательно, что междометия состоят нередко из звуков, не принадлежащих системе данного языка (например, кликсы в междометиях европейских языков); с другой стороны, стыки согласных, представленные в междометиях, часто бывают запрещены в данном языке (например, русское [tʼf] в *тьфу*,

²¹ Если же представить случай, когда жесты, сопровождающие речь, не факультативны (при том, что они не имеют самостоятельного значения), т. е. обязательно сопровождают слово или выражение языка (скажем, определенным образом изменяя его значение), то тогда их роль можно уподобить роли просодических средств в языке и, соответственно, можно назвать такие жесты просодическими. Примером просодического жеста может служить русское *на!* (в значении „возьми то, что я тебе протягиваю“), которое невозможно без сопровождающего жеста протягивания (см. об этом. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 167). Об аналогичных явлениях в арапта см.: А. П. Рифтин. Категории видимого и невидимого мира в языке. „Уч. зап. ЛГУ“, Серия филол. наук, 1946, вып. 10, № 69.

²² Богатый материал по паракинетике можно найти в старых учебниках мимики и актерского мастерства. Укажем, например, на книгу: A. Giraudet. *Mimique, physionomie et gestes*. Paris, 1895, где дается подробный словарь (рассчитанный, разумеется, лишь на узкий ареал романской культуры) значений различных выражений лица, положений рук, ног, тела и т. д. Замечательно, что автор пользуется при этом такими терминами как „семиология“ и „фонология“ (в 1895 году!)

²³ См. Е. Д. Поливанов. По поводу звуковых жестов японского языка. „Поэтика“. Сборники по теории поэтического языка. П., 1919.

²⁴ В этом случае речь, состоящую попеременно из лингвистических и паралингвистических коммуникативных единиц, можно сравнить с высказыванием на некотором языке, в которое могут быть вкраплены слова из другого языка. Иначе говоря, такое высказывание можно рассматривать как результат креолизации двух систем.

²⁵ В таких случаях суперсегментные явления переводятся в разряд сегментных (осмысливаются как таковые, не становясь при этом элементами языка). Ср. с этим дескриптивную запись суперсегментных явлений, когда значащие интонации выносятся в виде особой фонемы.

английское *hm*)²⁶. Заметим также, что в словах эмоциональной речи, которая, очевидно, в большей степени насыщена всякого рода паралингвистическими явлениями, могут появляться звуки, вообще говоря, не присущие данному языку. Ср. например, фрикативное γ в экспрессивном произношении русского *Господи!*;²⁷ в финских диалектах в эмоциональной речи возможно неогубленное [ш] вместо [у] — однако характерно, что финны, произносящие этот звук, неспособны обычно произнести аналогичный звук в шведском, где он имеет фонологическую значимость²⁸; примеры эти легко, видимо, могут быть умножены²⁹.

Выше мы говорили о языковом поведении и о поведении, сопровождающем языковые явления. Можно, однако, говорить и о семиотике поведения, которое не связано с языком, т. е. с сознательной передачей информации адресантом. В самом деле, самые различные виды человеческого поведения могут нести определенную информацию для адресата — для адресанта же являясь совершенно естественными³⁰. Таковы многие факты, изучаемые культурной антропологией. Вообще говоря, недостаточно ясно, где лежит граница между явлениями паралингвистическими и собственно кинетическими (а в конечном счете — даже и общесемиотическими явлениями поведения), т. е. явлениями, не связанными непосредственно с языком. Действительно, самые разные явления могут сопровождать человеческую речь и нести определенную информацию о говорящем. В самом деле, мы отнесем, очевидно, к паралингвистике такие случаи, когда человек расхаживает по комнате, излагая другому свою мысль, или барабанит пальцами по столу при разговоре. Такие явления несут определенную информацию, например, о внутреннем состоянии человека. Но у нас нет

²⁶ Ср. здесь: E. Stankiewicz. 'Problems of emotive language. — AS, стр. 249—250. См. также: S. Karcevski. Introduction à l'étude de l'interjection. „Cahiers Ferdinand de Saussure“, I, 1941. Так, во французском нет, вообще говоря, трифтонгов и слогового r[ʁ]. Ср., однако, *miaou* ('мяу'), *frrr* (имитация полета птицы). В русском нет [u], но ср. *гау-гау* (лай собаки), *дә-дә* (крик ребенка); в русском и финском имеется билабиальное долгое [r] в *тпру*; в русском нет гортанной смычки [ʔ], ср. однако эмфатическое отрицание *не-а*: [ne'ʌ] или даже [ne'ʔ]. Подобные явления (в разных языках мира) специально исследовались в одной из неопубликованных работ Н. В. Юшманова. — См.: Н. В. Юшманов. Экспериментальная фонетика, 1945 (рукопись).

²⁷ Вероятно, исторически связанное со специальными особенностями речи духовенства (ср.: Е. Д. Поливанов. Введение в языковедение для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 35, прим. 1).

²⁸ Таким образом, звуковые паралингвистические явления осмыслиются как входящие в иную систему, нежели явления собственно лингвистические. Такое расслоение может быть сопоставлено с расслоением языка на системы при травматической аграфии, когда человек может правильно написать свою фамилию *Левский*, но не может написать слово *лев*, входящее в состав его фамилии (см.: А. Р. Лурия. К вопросу о нарушении письма и чтения у полиглотов. „Фізіологічний журнал АН Укр. ССР“, т. II, 1956, № 4).

²⁹ Так, ударение в русском может падать на редуцированную гласную ([štəp] в *чтоб тебя!*), что противоречит общим законам русской фонологии (см.: S. Karcevski. Указ. соч.). В русской команде *Шагом марш!* [šáɡət árš] переднее *a* стоит между твердыми согласными, что также находится в противоречии с общими фонологическими законами русского языка; см.: А. В. Исаченко. О призывной функции языка („Recueil linguistique de Bratislava“, I, стр. 54); см. там же многочисленные примеры из славянских языков, иллюстрирующие аналогичные явления среди различных элементов языка, несущих призывную функцию, т. е. направленных специально на адресата — таких, как клички, команды, формы императива и т. д.

С этой точки зрения интересно исследовать форму объявлений в московском метрополитене (объявления при отправлении, объявления о следующей станции и т. д.); представляется, что они также сильно отличаются от звуковой формы обычной русской речи.

³⁰ От этого надо отличать вторичный случай, когда адресант является одновременно и адресатом — например, когда мальчик изменяет походку, чтобы походить на ковбоя.

оснований, вообще говоря, не относить к паралингвистике такие случаи, когда человек разговаривает, занимаясь уборкой комнаты или гуляя и т. д. Такие случаи не связаны с языком, но они могут нести определенную информацию об адресанте. Например, наблюдая, как женщина шьет, можно сделать выводы не только о ее ловкости или о ее профессии, но и о ее национальной принадлежности: так, индийские женщины толкают иглолку от себя, а не тянут ее к себе, как это делают женщины Европы³¹. Стили походки существенно разнятся в различных обществах, как этнических, так и социальных, причем можно в этих случаях выделять даже и идиолекты. (Дифференциальными признаками здесь являются, в частности: сгибание ноги, положение таза, головы, размахивание руками, ритм движения и др.). Однако эта информация существует лишь для воспринимающего, для посылающего она может быть совершенно бессознательной³². Это же относится к манере говорить, жестикулировать и т. д.

Соответственно, если мы, например, смотрим иностранную кинокартину, нам чрезвычайно существенно для правильной интерпретации действий персонажей владеть семиотикой их поведения: в противном случае очень многие их поступки, их реакция останутся нам непонятной — в точности так же, как нам иногда кажутся немотивированными поступки героев в древнем эпосе. Например, американский зритель узнает отрицательного персонажа в кинофильме по специфической, слегка деревянной походке; любители ковбойских фильмов могут быстро определить, герой или злодей тот или иной персонаж, по положению таза при походке, движению глаз, головы, сигареты во рту и т. п.³³

При межнациональном общении (cross-cultural communication) неправильная интерпретация поведения может вызывать самые разнообразные осложнения; особенно важно изучение семиотики поведения для международной практики³⁴.

С другой стороны, любая деятельность в принципе может как-то сказаться на сопровождаемом речевом тексте, определяя его ритм, содержание и т. п.

Указанные явления относятся к кинесике. Едва ли возможно провести четкую границу между кинетическими и паралингвистическими явлениями: одни и те же явления могут быть рассматриваемы как паралингвистикой, так и кинесикой (хотя среди паралингвистических явлений, разумеется, можно выделить и такие, которые не могут относиться к кинесике). Это и понятно: паралингвистические явления определялись (см. выше) функционально (как явления, сопровождающие

³¹ W. La Barre. Paralinguistics, kinesics and cultural anthropology. — AS, стр. 214.

³² См.: W. La Barre. Paralinguistics, kinesics and cultural anthropology; Он же. The cultural basis of emotions and gestures. „Journal of personality“, 16, 1947; R. L. Birdwhistell. Introduction to kinesics; G. T. Hewes. The anthropology of posture, „Scientific American“, 1957, 196; Он же. World distribution of certain postural habits. „American Anthropologist“, 57, 1955, 2. pt 1; F. Deutch. Analysis of postural behavior. „Psychoanalytical Quarterly“, 1947, 16; G. W. Allport, P. E. Vernon. Studies in expressive movement. N. Y., 1933.

Таким образом, различным походкам можно приписать особое (социальное или этническое) значение. На этом основании можно пытаться исследовать „этимологию“ танца или парадного воинского шага, принятого в той или иной стране, и т. п.

³³ См.: W. La Barre. Paralinguistics, kinesics and cultural anthropology, стр. 196.

³⁴ Характерен пример с А. Вамбери, который около года неузнанный жил среди дровишек и был опознан как европеец только по тому, что отбивал такт ногой во время музыки, чего не делают на Востоке.

Различные примеры недоразумений международной практики, вызванных неправильной интерпретацией, приводятся в популярной книге: E. Hall. The silent language. N. Y., 1961.

языковое высказывание), независимо от субстанции; кинетические же явления определяются по их субстанции и, в общем, независимо от функции. Соответственно все кинетические явления могут входить в область рассматриваемого паралингвистического постольку, поскольку они могут сопровождать речь.

При ином понимании паралингвистики (например, когда паралингвистические явления определяются по субстанции, а не по функции, см. выше) и граница между паралингвистикой и кинесикой может быть соответственно определена независимо от функции явлений в тексте (только по их признакам в системе, т. е. на уровне абстрактных, а не конкретных знаков, sign-designs, а не sign-events).

Таким образом, паралингвистические явления неразрывно связаны с общей моделью человеческого поведения, включая сюда как культурную, так и биологическую модель.

Вероятно, паралингвистические явления могут рассматриваться как область пересечения собственно лингвистической модели и общей модели поведения³⁵.

* * *

При анализе паралингвистических элементов, естественно, возникают вопросы относительно их свойств. Нас может интересовать, в частности, насколько условны (или, напротив, естественны) эти элементы, насколько они ориентированы на адресата (или, напротив, служат самовыражением адресанта), насколько они независимы — от сопутствующих лингвистических явлений — и системны (иначе говоря, насколько они способны образовывать самостоятельную систему). Понятно, что в зависимости от ответа на эти и подобные вопросы можно сделать вывод о степени аналогии между паралингвистическими и собственно лингвистическими феноменами и соответственно решить, насколько правомерно применение лингвистических методов к описанию паралингвистических явлений.

Прежде всего мы остановимся более подробно на вопросе о системности паралингвистических явлений. К вопросу о том, насколько системны эти явления, можно подходить с разных точек зрения. С одной стороны, очевидно, что многие такие явления в общем малосистемны (например, вздохи, призвуки и т. п.), а если и образуют систему, то самого элементарного рода (типа: движение головой в вертикальном направлении, означающее утверждение, против движения головой в горизонтальном направлении, означающего отрицание, у большинства европейских народов³⁶). С другой стороны, паралингвистические эле-

³⁵ К последней могут относиться самые разнообразные явления человеческой деятельности — и тем самым они могут входить и в предмет рассмотрения паралингвистики. Так, функция улыбки или схема может сильно варьироваться в разных обществах (т. е. может варьироваться то, что кажется смешным и, соответственно, нести определенную информацию). Например, улыбка в ряде стран Запада имеет более формальный характер, выражая не только непосредственное удовольствие, но и чаще являясь формальным знаком вежливости. В комплекс реакций на высказывание может входить также и реакция на внешний вид говорящего. Крайний случай такого рода представлен в так называемом языке тоги в Эфиопии, когда положения тоги соответствуют внутреннему состоянию человека (см.: S. D. Messing. The nonverbal language of the Ethiopian toga". „Anthropos“, 1960, v. 55); с другой же стороны, в менее формализованном виде любая одежда может накладываться на языковую информацию, определенным образом влияя на ее восприятие (ср.: J. Flügel. The psychology of clothes. London, 1950; T. Pear. Suggested parallels between speaking and clothing. „Psychoanalytical Quarterly“, 1947, 16, а также различные работы по восприятию моды). Понятно, разумеется, что информация, определяемая одеждой, может восприниматься и самостоятельно, независимо от языкового высказывания.

³⁶ Исключение составляют, как известно, некоторые народы, входящие в балканский языковой союз.

менты не всегда произвольны, и это подтверждается, в частности, следующим фактом: очень многие паралингвистические явления вообще не могут быть использованы иностранцем — без того, чтобы это вызвало комический эффект³⁷. Иначе говоря, только человек, полностью исполняющий все требования данного языка, вправе использовать такие паралингвистические элементы³⁸. Соответственно можно заключить, что эти последние могут нести определенную стилистическую функцию в языке.

Существенно отметить, между тем, что ни паралингвистические, ни кинетические явления (исключая случаи специальных языков жестов) никогда не образуют системы в том же смысле, в каком ее образует естественный язык. Видимо, можно сказать, что системность естественного языка проявляется в том, что каждый (значащий) элемент его может быть объяснен через другие. В этом смысле язык образует систему. Понятно, однако, что совокупность паралингвистических элементов в этом смысле не составляет языка. Паралингвистические явления выступают как системные не *per se*, но только относительно естественного языка, который они сопровождают. Иначе говоря, языковое высказывание плюс некоторое паралингвистическое явление может быть противопоставлено данному языковому высказыванию, взятому отдельно.

При анализе паралингвистических явлений возникает вопрос, насколько естественно или, напротив, условно данное явление (в процессе речи), т. е. насколько оно значимо для адресанта, насколько сознательно оно им употребляется. Вероятно, можно констатировать относительно большую естественность этих явлений. Действительно, многие паралингвистические явления употребляются адресантом бессознательно (ср. вздохи, призвуки и т. д.). Характерным примером такого бессознательного употребления паралингвистического знака может быть следующая закономерность, сформулированная Бэрдуистлом: всякое слово, несущее логический или эмфатический акцент во фразе, непременно сопровождается (в английском языке) миганьем³⁹. Легко привести и другие примеры бессознательного употребления паралингвистических элементов, которые, однако, могут нести определенную информацию для адресата⁴⁰. Такие явления, как хрипы, вздохи и т. п. можно сравнить

³⁷ См.: A. S. Hayes. Paralinguistics and kinesics: pedagogical perspectives. — AS, стр. 164—165.

³⁸ Различные примеры ошибок в поведении, совершаемых студентами, стажирющимися за границей, из-за того, что они обучались лишь собственно лингвистическому аспекту языка, приводит Ф. Пап в работе: „Этикет и язык“ („Русский язык в национальной школе“, 1964, № 1). См. также: G. J. Brault. Kinesics and the classroom: some typical French gestures. „The French Review“, XXXVI, 1963, 4, стр. 374—382.

Несомненно вообще, что преподавание иностранного языка не может считаться полноценным без обучения паралингвистике и вообще всей манере культурного поведения в данной стране. В этой связи на упоминавшемся симпозиуме приводились интересные данные об артисте (La Guardia), выступающем на итальянском, английском и идиш. Его движения, манера вести себя меняются в зависимости от выбранного языка так очевидно, что, выключив звук у телевизора, можно безошибочно сказать, на каком языке идет исполнение (см. SA, стр. 178).

³⁹ См. AS, стр. 178—179.

⁴⁰ Например, человек говорит хриплым простуженным голосом: он, очевидно, болен, но он не властен изменить свой голос, посылаемая им информация о его здоровье от него не зависит. Или — манера есть свидетельствует об определенной школе воспитания; тембр голоса может свидетельствовать о чувствах человека по отношению к адресату, недаром иногда говорят о том, что „голос его выдал“. И так, эти знаки несут информацию, но не сознательно. И в этом смысле многие паралингвистические совокупности соотносятся с такими знаками действительности, как, например, морозный рисунок на окнах, свидетельствующий о холоде; определенное соотношение пластов пород, свидетельствующее о геологических процессах — словом, с тем, что Э. Бэйссанс называет „языком фактов“ (langage des

с ошибками в речи (в том отношении, что адресант их не замечает — они существуют только в восприятии адресата). Вероятно, можно утверждать вообще, что все паралингвистические явления могут бессознательно употребляться (в отличие от явлений собственно лингвистических), но многие из них могут быть имитированы⁴¹. В связи с этим едва ли можно провести четкую грань между сознательным и бессознательным употреблением паралингвистических явлений, поскольку сам адресант может выступать одновременно и в роли адресата, соответственно сознательно моделируя свою деятельность, в том числе и паралингвистическую. В этом отношении паралингвистические явления не специфичны и могут быть уподоблены определенным собственным лингвистическим явлениям, в частности, стилистическим и диалектальным; так, например, кокни, говорящий на своем социальном диалекте, не стремится специально создать у слушателей впечатление кокни, но может и подчеркивать свои социальные особенности. То же можно сказать и о различных жестах.

Можно различать субъективную и объективную знаковую поведенья, т. е., с одной стороны, восприятие адресантом собственного поведения и, с другой стороны, объективное значение этого поведения (восприятия)⁴². Видимо, можно принять, что при исследовании паралингвистического поведения нам принципиально неважно, значимо ли это поведение с точки зрения самого субъекта (адресанта); паралингвистические явления, по определению, связаны с объективной знаковой поведенья, т. е. с восприятием поведения адресатом, который не может знать, естественно ли оно или имитируется сознательно⁴³.

Аналогично может быть поставлен вопрос о том, насколько естественны или, напротив, условны те или иные паралингвистические явления, будучи взяты сами по себе — независимо от конкретного поведения, от конкретного процесса речи. Этот вопрос тесно связан с вопросом об универсальности тех или иных явлений. По-видимому, можно констатировать относительность (и, соответственно, условность) подавляющего большинства паралингвистических явлений (кроме, может быть,

faits; см.: E. Buysse n s. *Verité et langue. Langue et pensée.* Bruxelles, 1960). Таким образом, воспринимающий информацию интерпретирует паралингвистические явления, перекодируя их в виде знаков некоторой другой системы (возможно, вербальной или языка науки). Посылающий информацию может не иметь ни малейшего представления о том, как интерпретируется его поведение в целом. Для него эти сведения — побочный продукт его сознательной деятельности.

⁴¹ Имитация такого рода имеет место, например, на сцене, когда актер сознательно придает своему голосу ту или иную тембровую окраску, имитируя определенное душевное состояние, или в целях какой-либо сознательной социальной или национальной мимикрии. В ряде театральных традиций такая имитация перерастет в сознательный знак, который воспроизводится актером именно как условный знак.

Интересные данные о развитии паракинетических явлений к вполне сознательному театральному знаку в восточных школах театра приводит А. А. Румнев (А. Румнев. *О пантомиме.* М., 1964).

⁴² Разумеется, воспринимаемая паралингвистическая информация не может быть вполне объективной в обычном смысле этого слова, поскольку она может быть в сильной степени обусловлена самой системой восприятия воспринимающего субъекта, или, иначе говоря, метаязыком адресата. Метаязык адресата определяет прежде всего, какие явления вообще воспринимаются (или не воспринимаются) тем или иным адресатом, а также и трактовку воспринимаемых явлений. Понятно, например, что врач, беседующий с пациентом, воспринимает паралингвистические явления, исходящие от последнего, существенно отличным образом от того, как эти явления обычно воспринимаются: для него релеванты, например, вид кожи, лица, тип дыхания и т. п. (попытку описания этого процесса см. в работе: P. Ostwald. *How the patient communicates about disease with the doctor.* — AS).

⁴³ Раскрыть эту сознательную имитацию бессознательного или почти невозможно, или возможно, лишь исходя из знания обязательности комплекса тех или иных симптомов имитируемого явления (в случае болезни, например, когда имитируемый симптом не может комбинироваться с другими имеющимися данными).

некоторых, обусловленных чисто биологически)⁴⁴. В самом деле, очень многие, казалось бы, самые естественные элементы человеческого поведения — такие, как походка, кашель и т. п. — могут быть различны в разных культурах. Так, индеец кутенаи узнает своего соплеменника по кашлю, специфический характер которого (более назальный) отличает этих индейцев от индейцев других групп⁴⁵. С этой точки зрения, характерна также неустойчивость паралингвистических элементов, их эволюция во времени (в данном обществе), в общем аналогичная эволюции языка⁴⁶.

Совпадения значений некоторых жестов в отдаленных друг от друга племенах⁴⁷, по-видимому, могут рассматриваться как столь же случайные, что и совпадения в звучании отдельных слов в неродственных языках („ложные этимологии“).

По-видимому, можно было бы предположить классификацию паралингвистических явлений, исходящую из разной степени культурной (социальной) обусловленности тех или иных явлений.

Все паралингвистические явления, по определению, сопровождают речевую деятельность. Однако они могут различаться по степени их связанности с языком. Можно выделить такие явления, относящиеся к паралингвистике, которые не могут существовать отдельно от языка, будучи связанными с ним непосредственно, например громкость, быстрота или ритм речи⁴⁸; представить их вне высказывания — значило бы при-

⁴⁴ В вопросе о происхождении паралингвистических явлений существуют две крайние точки зрения.

Одна точка зрения — ее можно было бы назвать „натуралистической“ — исходит из естественности паралингвистических явлений и стремится вывести их из определенных биологических процессов; отсюда следует универсальное распространение тех или иных явлений в разных обществах. Так, еще Ч. Дарвин в своем труде „О выражении ощущений“ объяснял горизонтальное движение головой как знак отрицания тем, что дети, отказываясь от материнской груди, отклоняют голову в сторону (аналогично объясняется им и распространенное наличие носового согласного в частях отрицания: первоначально он образуется при пользовании голосом со стиснутыми зубами, что характерно при отказе от пищи); он же, как известно, находил сходство в звуковом выражении волнения у человека и животных. См. также: В. М. Бехтерев. Биологическое развитие мимики с объективно-психологической точки зрения (СПб, 1910), где анализируются и получают биологическое обоснование многие жесты; из более поздних работ аналогичного направления см., например: M. H. Kroust. *Artistic gestures. An experimental study in symbolic movement*. „Psychological monographs“, № 208, 1935.

Другая точка зрения — ее можно было бы назвать „конвенционалистской“ — стремится представить различные паралингвистические явления как обусловленные культурно в том или ином обществе, а вообще говоря — как явления произвольные, но отнюдь не естественные. Этот вывод подтверждается иллюстрацией различия паралингвистических феноменов в разных обществах. См. в частности: W. La Barre. *Paralinguistics, kinesics and cultural anthropology* (AS), где демонстрируется различие элементов поведения, выражающих в разных культурах одно и то же абстрактное содержание (например, приветствие, указывание, утверждение или отрицание), а также различное содержание в разных обществах одних и тех же элементов выражения (поцелуй, плевание и т. п.).

Представляется целесообразным совмещать оба подхода при рассмотрении паралингвистических явлений. Но думается, что первая точка зрения более оправдана во многих случаях применительно к диахроническому, а не синхронному рассмотрению.

⁴⁵ R. L. Birdwistell. — AS, стр. 42.

⁴⁶ Интересно в этой связи проследить изменение определенных паралингвистических явлений во времени в одном и том же обществе. Например, французы, речь которых, как известно, сопровождается обычно значительной жестикуляцией, жестикулировали очень мало в XVI столетии; напротив, для англичан было естественно усиленно жестикулировать при разговоре еще в XVIII в. Ср. также: D. Efron. *Gesture and environment. A tentative study of some of the spatio-temporal and „linguistic“ aspects of the gestural behavior of Eastern Jews and Southern Italians in New York city, living under similar as well as different environmental conditions*. N. Y., 1941.

⁴⁷ См. об этом: G. van Rijnberk. Указ. соч.

⁴⁸ Такие явления рассматриваются в работе: G. F. Mahl, G. Schulze. *Psychological research in the extralinguistic area*. — AS. — Анализ явлений такого рода,

думать нечто вроде улыбки Чеширского кота у Л. Кэрролла, которая существовала отдельно от самого кота. Другой разряд паралингвистических элементов составляют такие элементы, которые, хотя и могут быть оторваны от высказывания, но вне высказывания не имеют значения — например, кивок головой. Наконец, третью группу составляют элементы, которые могут употребляться независимо от языка, сохраняя при этом свое значение. В этом случае можно говорить о наложении двух автономных знаковых систем. Сюда относятся такие явления, как плач, вздохи, улыбка, а также различные явления, относящиеся вообще к общей культурной модели поведения.

* * *

Введение в анализ языкового высказывания не только собственно лингвистических, но и паралингвистических явлений расширяет возможность сознательного изучения системы восприятия информации при человеческой коммуникации.

Существенно осознавать, что при реальной человеческой коммуникации (в частности, языковой) канал общения может быть чрезвычайно насыщен явлениями разных планов; сама многоплановость этих явлений и позволяет им осуществлять коммуникативную функцию в процессе общения. На то, что даже при узко языковом общении информация многопланова и осуществляется в разных направлениях, обратил внимание несколько лет тому назад Р. О. Якобсон, посвятив этому специальную работу⁴⁹. Расширение объекта лингвистического изучения, обусловленное введением в область рассмотрения лингвиста паралингвистических и кинетических явлений, представляется чрезвычайно плодотворным в этом отношении.

Изучение паралингвистических феноменов, помимо своего общего значения для понимания сущности человеческой коммуникации, может помочь также определить специфику языка, рассматриваемого в контакте с другими функционирующими в обществе системами коммуникации.

а также некоторых функционально аналогичных явлений может дать возможность получить объективную оценку степени взволнованности говорящего или, иными словами, констатировать степень его инейтральности к высказываемому сообщению (в этих целях могут быть параллельно применены некоторые чисто лингвистические методы). См. по этому поводу: A. S. D i b n e r. Cue-counting: a measure of anxiety in interviews. „Journal of Consulting Psychology“, 1956, 20; O n ж e. Ambiguity and anxiety. „Journal of abnormal social Psychology“. 1958, 56; A. T. D i t t m a n n, L. C. W y h n e. Linguistic techniques and the analysis of emotionality in interviews. Там же, 63, 1961.

⁴⁹ R. J a k o b s o n. Linguistics and poetics. — В сб.: „Style in language“, ed. by T. A. Sebeok. N. Y., 1960.